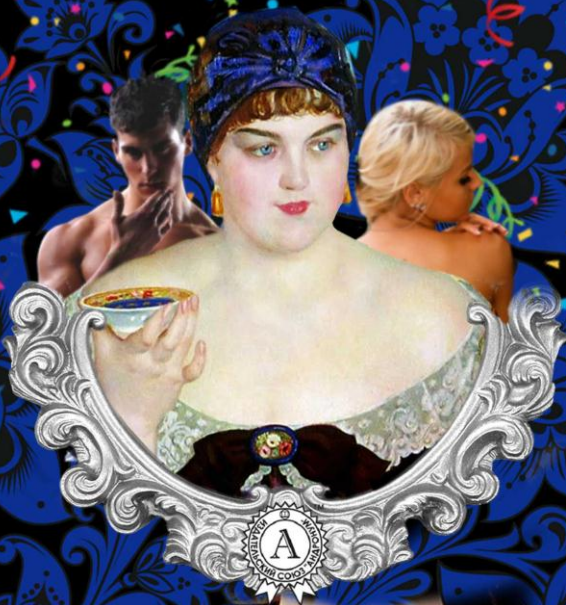

МАРГАРИТА КОРОВИНА

САНТА-МАТРЕШКИНО

ИЛИ

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН ПО-РУССКИ

Аннотация

В маленьком поселке в пригороде большого города жила-поживала Маргарита Алексеевна. Тридцать шесть лет жила, читала книжки, копалась в огороде. Жизнь ее текла как спокойная река. Пока – как снег на голову – не свалилась на нее сводная сестра Любочка, обладавшая выдающейся красотой и талантом сводить всех с ума и ставить все с ног на голову. И в Матрешкино тут же стали происходить совершенно непонятные для Маргариты события. Соседки устраивали феерические скандалы, в любое время дня и ночи заявлялись незваные гости – милиционеры, бандиты, уроженцы южных республик и втравливали героиню в опасные приключения. Жизнь стала похожа на взбесившуюся карусель... или на ночной кошмар... Далеко не сразу до Маргариты Алексеевны дошло, что виновницей всех катаклизмов является Любовь.

Маргарита Коровина Санта-Матрешкино, или Любовный роман по-русски

Глава 1. Начало

Честно скажу, мне даже в голову не приходило, что я вдруг возьмусь за сочинение романа. Хотя на то, что подразумевают под этим словом литературоведы, моя писанина не тянет — не хватает масштабности, многоплановости, да и герои все, как на подбор, сплошные оболтусы. Но, с другой стороны, отношения между мужчинами и женщинами тоже так называют, а именно о них я собираюсь писать. Поэтому пусть будет роман, и точка...

...Большинство современных книг начинается именно с подобного предисловия, и я, не имея никакого опыта в бумагомарательстве, решила следовать по колее, проложенной известными авторами. Дурной пример, как известно, заразителен. Тем более, что, прожив тихо и спокойно тридцать с лишним лет, я и не собиралась ничего писать. У меня было другое увлечение, сводившее с ума моих родных и близких.

Едва научившись читать (в весьма раннем детстве), я стала запойной чтицей, и все свободное

время (впрочем, и не свободное тоже) тратила на чтение книг. Конечно, правильнее будет сказать читательницей, но чтница мне нравится больше — похоже на птицу. А пернатые с раннего детства в моей голове прочно ассоциируются со свободой. Так и вижу, летит себе это крылатое чудо, такое беспечное и прекрасное в небесах, вызывая у меня пароксизмы зависти... Я тоже чувствовала, что лечу, когда брала в руки книжку. Романы, приключения, фантастика, жизнеописания великих — мне было абсолютно все равно, что, где и когда читать. Я проезжала свои остановки, забывала поесть, меня выгоняли с уроков, молодые люди расставались со мной после второй-третьей встречи, причина была одна — очередной толстый и до умопомрачения интересный том.

Однажды, еще учась в младшей школе, я принесла из библиотеки какую-то книжку — ее названия и автора я уже не помню. Мой мозг вообще не воспринимал такие мелочи. Главным было содержимое. Головокружительные повороты сюжета, переживания героев, описания места действия — все это настолько захватывало меня, что я не видела и не слышала ничего вокруг...

И в тот день я — как обычно — открыла книгу, едва войдя в квартиру. И, естественно, тут же провалилась в черную дыру ее сюжета. Из беспамятства меня вывел крик, по децибелам не

уступающий реву самолетного двигателя. Рядом со мной стояла моя спокойная интеллигентная мама и орала не своим голосом, беспорядочно взмахивая руками. Не понимая, что происходит, я огляделась. В квартире явно чего-то не хватало... Да, точно — нет новенького, последней модели телевизора, стоявшего в гостиной прямо напротив дверей. И магнитофона нет, который был рядом с телевизором... Потом выяснилось что нет и фамильного серебра, и маминых, тоже фамильных, драгоценностей. Пропали деньги, хрусталь, папина импортная бритва, коллекция редких марок — гордость моего старшего брата. В общем, вору вынесли все мало-мальски ценное. А я в это время читала, сидя на неудобной тумбе для обуви у самых дверей.

Авторы книжного волшебства казались мне избранниками богов, если не самими богами. Я с трепетом разглядывала их портреты на первых страницах, а, если книги были библиотечными, по-варварски выдирала фотографии и вешала их у изголовья кровати. События моей жизни проходили мимо меня, не затрагивая воображения и не запоминаясь. Я как-то закончила школу, потом институт, пошла работать, вышла замуж, развелась, разменяла бабушкину квартиру на две комнаты в коммуналке. Тут началась перестройка, я поняла, что получить отдельное жилье шансов у меня нет, и

выменяла свою комнатку на крохотный домик в пригороде. К нему прилагался садик в пять соток, и я чувствовала себя Ирэн Форсайт и мисс Марпл одновременно. Жизнь вяло текла в нашем Матрешкине. Старики умирали, их домишки либо продавались наследниками на дрова, либо ветшали и рушились. А потом, видимо, из-за уникального сочетания близости к городу и нетронутой природы, наша деревушка стала очень модным местом, и всего за каких-то за полтора года участки вокруг оказались заселенными. Моими соседями теперь стали бизнесмены, депутаты, бандиты, выходцы с Кавказа и просто коренные матрешкинцы, вспомнившие о своем наследстве.

И вдруг...Вообще, я ужасно не люблю это пресловутое «вдруг». В моем понимании жизнь должна течь, как равнинная река. Плавно, спокойно, без резких поворотов и, тем более, без водопадов и порогов. Все должно быть заранее известно. С моими друзьями и поклонниками я договариваюсь о встрече по крайней мере за неделю. Посещения театра, выезды на пикник или лыжные походы должны быть согласованы со мной за две, а лучше за три недели. Возможно, в век нынешних стремительных перемен, это несколько старомодно, но такой уж у меня характер. И менять его я пока не собираюсь.

В общем — хотя это и было против моих

желаний — сводная сестрица свалилась на меня именно вдруг. Дело в том, что наши с братом Владиславом родители развелись несколько лет назад. Я не особенно переживала, потому что читала тогда об очередном запутанном деле в практике Ниро Вульфа и была по уши погружена в увлекательный сюжет. К тому же разводились предки мирно, без ссор и битья посуды. Потом оба — и мама, и папа — быстренько нашли себе новых супругов, и в результате я получила парочку сводных братьев и сводную сестрицу. Костя и Сергей были детьми нового мужа моей мамы, а Любочка дочерью новой жены папы. Мы приняли друг друга спокойно и интеллигентно, без ненужных трагедий и ссор. Встречались на семейных торжествах, проводили вместе выходные, ходили в кино и театры. Называли друг друга по именам, но на «вы». Хотя к Любочке, которая была младше меня и мальчиков на десять лет, с высоты своих тридцати с хвостиком мы обращались на «ты», а она к нам на «вы» и по имени отчеству. Мы, определенно, казались ей ужасно старыми и скучными.

И вот, в одно прекрасное майское воскресенье, Любочка появилась у меня в доме с огромной спортивной сумкой в руках и жалобно попросила:

— Маргарита Алексеевна, можно я у вас

поживу?

Было раннее утро. Солнце сияло на ярко-голубом весеннем небе, слепило глаза из каждой непросохшей лужицы в моем садике и к тому же грело совсем по-летнему. Воробьи истошно орали в голых еще кустах сирени. Пчелы, шмели и всех цветов радуги мухи радостно жужжали вокруг меня. Я сидела на заднем крыльце и с почти сладострастным предвкушением размышляла о предстоящих копательно-посадочных работах. Переехав в Матрешкино, я стала настоящим деревенским жителем, полюбила вставать вместе с солнышком, ковыряться в земле, пилить дрова и всякие прочие деревенские работы. Поэтому настроение в то утро у меня было радостным почти до идиотизма. Потому, что иначе как идиотизмом свой последующий поступок назвать я не могу. Если б я тогда знала, какой форс-мажор впускаю к себе в дом...

Увидев сестрицу, стоящую у забора с огромным баулом, в который легко поместилась бы она сама, юную, беззащитную и несчастную, я почувствовала такой прилив человеколюбия, что гостеприимно развела руками и ответила:

— Мой дом — твой дом. Живи сколько хочешь.

Любочка, видимо, не ожидавшая такого

ответа (я в ее представлении была пожилой занудой, не способной на широкие жесты), поэтому несколько секунд оторопело смотрела на меня, а потом подпрыгнула, как жеребенок-стригунок, и закричала на все еще мирно спящее Матрешкино:

— Маргарита Алексеевна, вы просто чудо, я вас люблю. Нет, я вас обожаю. Я вам помогать буду по хозяйству. Полы мыть, обед готовить, огурцы солить и все такое. Я умею, меня Алексей Дмитриевич научил.

Алексей Дмитриевич — это мой папа. Он действительно очень хозяйственный мужчина. Мама у меня искусствовед, человек творческий и очень увлекающийся. К своей работе относилась и относится с юношеским энтузиазмом. Поэтому мы — папа, мой старший брат и я — частенько оставались без завтрака, обеда и ужина, с нестиранными и неглаженными рубашками и платьями, на которых к тому же не хватало пуговиц. О сантиметровом слое пыли на мебели и невытой посуде я уже не говорю. Несколько лет папа стоически все это терпел, видимо, ожидая, когда в жене проснется женская домовитость. Потом ему ждать надоело, и он взял все хозяйство в свои руки. Спокойно, без истерик и показного самопожертвования. Соседи по дому жалели папу и осуждали маму. Ему было все равно. Когда родители развелись, домовые сплетницы

утверждали, что этого следовало ожидать при такой-то жене. Представьте себе их удивление, когда выяснилось, что Елена Николаевна, новая папина жена, точно так же, как мама, не умеет и не любит готовить, стирать, гладить и убирать в доме. Соседи посудачили немного, пришли к выводу, что человеку свойственно наступать на одни и те же грабли, а потом привыкли и уже не обращали внимания, когда папа таскал из магазина продукты, выносил мусор и чистил во дворе ковры.

Любочка приняла отчима с восторгом. И я ее понимаю. После многих лет вокзального быта (а Елена Николаевна, действительно, была копией моей мамочки и хозяйство ее было в том же состоянии, что и мамулино) получать ежедневно полноценное питание, всегда иметь в запасе чистую и выглаженную одежду, спать на белоснежных простынях... Папа и Елена Николаевна поженились когда Любочке было лет пятнадцать — возраст вполне достаточный, чтобы освоить все домашние премудрости. Девочка как губка впитывала в себя новые знания и навыки и вскоре сравнялась по мастерству с учителем.

Признаюсь, я очень обрадовалась Любочкиному предложению помочь мне в домашних делах. Как известно, яблочко от яблони недалеко падает, и я получилась достойной дочкой своей матери. Кастрюли, утюг и метлу ненавижу

по-детски искренне.

В моей голове тут же нарисовалась радужная картина: я копаюсь в саду, а Любочка колдует над плитой, мечется по дому с ленивкой и потеет над утюгом. Уж сколько раз твердили миру, что благими намерениями вымощена дорога в ад! Я даже представить себе не могла, что моя сестрица с ее практически ангельской внешностью, может оказаться самым настоящим посланником преисподней.

Вообще, я считаю, что некрасивых женщин нет. В каждой есть — как говорят французы — какая-то собака. Эти милые странные французы... Французско-русский словарь утверждает, что *avoir du chien* — это быть с «изюминкой» (то есть иметь нечто чертовски привлекательное для противоположного пола). Почему что-то особенное, необъяснимое в женщине мсье приравняли к собаке (зверю, конечно, замечательному, но попробуйте русскую даму сравнить с псом...) мой разум понять пока не может. Но, надеюсь, прожитые годы и благоприобретенный опыт все же помогут мне когда-либо решить эту загадку.

Надо признать, что в Любочке этих самых собак скрыто бесчисленное количество. Росту в ней всего метр шестьдесят, осиная талия, худенькая спинка, крошечная — на тридцать четвертый размер — ножка, и к этой дюймовочке прилагается

бюст третьего номера... Мужской пол реагирует предсказуемо одинаково. Но это еще не все. Копна темных блестящих волос, тонкая нежная кожа, которая летом покрывается светящимся золотистым загаром, красивой формы губы (как писали классики — созданные для поцелуев) и в довершение всего огромные зеленые глаза. Просто два золотисто-зеленых фонаря в рамке длинных густых ресниц. Настоящее чудо. Еще когда Любочка была девчонкой, один папин знакомый выдал приговор: «Мужское кладбище». И он был абсолютно прав. Сколько мальчишеских, юношеских и мужских сердец разбило это небесное создание, ведомо только Господу Богу!

Устраивая ее в комнате в мезонине, я абсолютно не задумывалась о том, что пускать в дом такую звезду просто опасно. А ведь мне уже давно было известно (кумушки-бабульки на скамейке не преминули доложить), что приложением к ее красоте (и с моей точки зрения совершенно лишним приложением) всегда была просто непостижимая способность притягивать всякие экстремальные ситуации. Любочка постоянно во что-либо влипала. Если она шла в поход с одноклассниками, то обязательно куда-либо проваливалась — либо в какую-нибудь яму поглубже, либо в грязное, вонючее болото. На юге вокруг нее как мухи клубились горячие южные

парни, так и норовившие ее украсть. А сколько раз она тонула на яхте? Я бы на месте капитана уже давно перестала бы ее приглашать. Но сердце морского волка было давно и безнадежно разбито, и каждый год его лодка то садилась на мель, то попадала в страшный шторм, то пробивала днище какой-нибудь гадостью, внезапно вылезшей из морских глубин...

Да, но с моим-то сердцем все было в порядке! И все же я впустила ее в свой дом, отдала ей лучшую гостевую комнату и даже помогла разобрать вещи!

Закончив обустройство, в самом радужном настроении мы уселись пить чай с пряниками. Я открыла окно, и в кухне запахло весенним утром — мокрой землей, первыми травинками и солнцем. Бабочка-крапивница уселась на стоявшую на подоконнике фиалку и замерла, раскрыв пятнистые крылышки. Любочка разомлела от моей доброты, крепкого чая и пряников с брусничной начинкой и ее потянуло на откровенность.

— Мамуля выгнала меня из дому, — заявила она, с вопросом и ожиданием глядя мне в глаза.

С ужимками профессиональной сплетницы я ахнула:

— Не может быть. Елена Николаевна такая милая, спокойная женщина. Какая муха ее укусила? Поверить не могу. Может, это папа виноват?

Оговаривать собственного отца как-то не очень красиво. Тем более что я знаю — Любочку он любит так же, как нас с Владом. Но очень уж хотелось знать, почему Елена Николаевна решилась на такой экстравагантный поступок. Впрочем, Любочку не надо было подстегивать. Обида и возмущение бурлили в ней, как вода в стоявшем на столе самоваре.

— Что вы такое говорите, Маргарита Алексеевна! Ваш отец — просто ангел, а не мужчина. Он наоборот заступался за меня. Но в мамулю словно бес вселился. Велела мне собирать вещи и уматывать. Представляете, она так и сказала: «Уматывай». Сериалов насмотрелась, наверно.

Да, это было неожиданно. Чтобы Елена Николаевна выражалась подобными жаргонными словечками, должно было произойти что-то абсолютно неординарное. Любопытство мое начинало закипать, как упомянутый уже самовар.

— Любочка, позволь тебе не поверить. Конечно, я знаю твою маму всего несколько лет...

— Именно так все и было. Слушайте. Вчера вечером я встречалась с Пашкой Петровым — это мой коллега по работе. Мы посидели немного в ресторане, потом мне стало скучно, и я пошла домой. Пашке расставаться не хотелось, он, видимо, рассчитывал не только на вечер...

Понимаете, Маргарита Алексеевна, я ведь уже не ребенок...

Конечно, не ребенок — двадцать два года детством никак не назовешь. Любочкино смущение было весьма забавно. Она явно считала меня строгой пожилой матроной, забывшей все женские радости.

— Пашка, конечно, красавчик, и все девчонки на работе по нему сохнут, но он ужасный зануда. Сходить с ним в ресторан, это еще терпимо, но... В общем, я пришла домой около часу и сразу улеглась спать. Примерно через час зазвонил телефон. Это был Пашка. Причем здорово поддатый. Я не стала с ним долго беседовать и повесила трубку. Через полчаса он снова позвонил и заявил, что безумно любит меня и хочет на мне жениться. Он был еще косее прежнего. Я снова повесила трубку. Понимаете, Маргарита Алексеевна, я ужасно не люблю базарить с пьяными парнями. Они говорят одни гадости, а потом заявляют, что ничего такого не было, у меня больное воображение, и я все выдумываю...

Все может быть. У меня такого опыта не было. Ни мой папа, ни мой бывший муж пьяными домой не приходили и не звонили. Даже когда мы с Толей разводились, он вел себя очень корректно и вежливо. Ну, не получилась семейная жизнь, что же теперь из-за этого жизнь друг другу портить?

А сестрица продолжала:

— В общем, я повесила трубку. Он снова позвонил. Я отключила телефон. Пусть, думаю, теперь звонит до позеленения. А он... Нет, Маргарита Алексеевна, попробуйте догадаться, что он отмочил. В жизни не додумаетесь.

Конечно, не додумаюсь. Хотя, если поднапрячь воображение... Что там делали отвергнутые поклонники в моих любимых романах?

— Он застрелился? — кровожадно предположила я.

Любочка посмотрела на меня с укором:

— Маргарита Алексеевна, мы живем в двадцать первом веке. Сейчас от любви никто не стреляется. К тому же, откуда у него пистолет, он ведь всего-навсего рекламный менеджер. Хотя... Лучше бы он застрелился.

Любочка замолчала, глядя куда-то в пространство. По ее лицу было видно, что она представляет себе, какой оборот приняли бы события, если бы Пашка Петров совершил столь несовременный поступок.

Я ждала. Через минуту Любочкино воображение закончило работу, она томно вздохнула и продолжила свой рассказ.

— Нет, Маргарита Алексеевна, все было гораздо хуже. Он приперся к нам домой. В три часа

ночи. Дверь открыл Алексей Дмитриевич, — десятисекундная пауза, после чего голос Любочки стал на пару тонов выше и задрожал — Что тут началось! Вы просто представить себе не можете...

И Любочка сделала эффектную паузу — в стиле Джулии Ламберт. Ее глаза, и без того огромные, стали размером с блюдечко.

Что такого мог сделать мой тишайший папочка? Я представила: три часа ночи, папа в любимой пижаме с зайчиками открывает дверь, перед ним пьяный молодой человек, который настойчиво требует встречи с дочерью... В крайнем случае папа вежливо попросил бы нахала удалиться. Ничего другого на ум не приходило. Тем временем Любочка решила, что молчала достаточно долго и выдала трагическим шепотом:

— Представляете, Маргарита Алексеевна, он его ударил...

Папочка кого-то ударил? Я замерла. Рот непроизвольно открылся, недоеденный кусок пряника упал на пол...

— Папа?! — я едва смогла выдать из себя единственное слово.

Любочка посмотрела на меня весьма выразительным взглядом и тоном воспитательницы из яслей для умственно отсталых детей пояснила:

— Маргарита Алексеевна, вы меня неправильно поняли. Не Алексей Дмитриевич

ударил Пашку, а Пашка ударил Алексея Дмитриевича. Этот идиот (я имею в виду Пашку) подумал, что Алексей Дмитриевич мой папик, ну, и решил с ним расправиться тем, что попало под руку. Большим таким букетом красных роз. Пашечка ведь шел предложение делать...

Любочка помолчала, видимо, давая мне время понять, что к чему, и добавила совсем другим тоном, почти со слезами:

— Бедный Алексей Дмитриевич.

Несмотря на трагичность ситуации, мне было приятно, душу заполнила законная гордость за родителя. Не только я, кровная дочь, люблю его, но и эта, по сути, чужая девочка. Все правильно, кто же тогда достоин любви, если не мой папочка?

Но кое-что было непонятно. Не откладывая дела в долгий ящик, я решила все прояснить.

— Любочка, а разве теперь отцам нельзя показываться на глаза поклонникам дочери? Я не понимаю...

Любочка посмотрела на меня с недоумением, потом с изумлением, а потом, пряча глаза, чтобы я не заметила в них смех, стала пояснять:

— Папик — это не отец, а ...ну как вам объяснить...ухажер, любовник. В общем, пожилой мужчина, который содержит девушку, платит за нее везде, покупает ей дорогие шмотки и все такое.

Боже, как я отстала от жизни! Похоже, в

Любочкином отношении ко мне есть доля истины. Это был неприятный удар. Я всегда считала себя вполне современной дамой, может быть, немного излишне романтической... Но должна же и во мне быть какая-то собака! Я даже встала и подошла к зеркалу. Морщин и седины пока не видно. (Не зря я трачу деньги на косметический салон.) Но ведь дело не в них, а в совершенном незнании современных реалий. И когда я успела настолько отстать от жизни! Так можно сесть в лужу в самый ответственный момент, а выглядеть идиоткой (тем более перед каким-нибудь молодым и привлекательным мужчиной) я не люблю. Пожалуй, стоит немного поучиться у Любочки.

Она тем временем уже навеселилась вволю над моей неосведомленностью и продолжила:

— Алексей Дмитриевич молодец, не растерялся, выхватил у придурка букет, заломил ему руку за спину и потащил в ванную. А Пашка...Нет вы представляете, этот поганец пытался вырваться, кусался и орал на весь дом. Нецензурными словами...А когда Алексей Дмитриевич засунул его голову под холодную воду, Пашка взвыл похлеще пожарной сирены...И тут из комнаты вышла мамуля.

Любочка опять замолчала. Обида на Елену Николаевну вспыхнула в сестрице с новой силой. Я с интересом смотрела, как в ней борются хорошее

воспитание и злость. Сестричкино лицо было как открытая книга, причем с хорошими иллюстрациями. Наконец, воспитание победило, и Любочка продолжила свой печальный рассказ:

— Она молча смотрела на все минут пять. Алексей Дмитриевич тем временем вытащил Пашку из-под крана, выяснил, что тот пришел, чтобы предложить мне руку и сердце, а потом выставил женишка за дверь, предупредив, что вполне может вызвать милицию, если случится еще что-нибудь подобное. И тут мамуля выступила.

Любочкины глаза снова наполнились слезами, на сей раз от жалости к себе. Голос стал тоненьким и детским.

— Представляете, она велела мне в пятнадцать минут собрать вещи и «уматывать», — похоже, нелитературное слово в устах ее до неприличия интеллигентной мамы возмущало сестричку больше, чем сам факт изгнания из родного дома, — Алексей Дмитриевич долго уговаривал ее сменить гнев на милость, но мамуля была непреклонна. Она собрала мои вещи в сумку, взяла меня за руку, вывела на лестницу и закрыла за мной дверь. Вот такая история. Прямо мексиканский сериал, вам не кажется?

Нет, тогда я не находила никакого сходства с телепродуктами сентиментальных мексиканцев, бразильцев и прочих латиноамериканцев.

Прозрение пришло потом. А в тот момент я думала о другом. Мое воображение очень красочно нарисовало все подробности этого скандала, включая избитого и окровавленного папу. Как ошпаренная я бросилась к телефону.

— Папочка, как ты?

— Ритуся, Любочка у тебя?

— Да, не беспокойся.

— Спасибо, девочка моя. Со мной все в порядке. Несколько царапин и все. Я очень беспокоился за Любочку. Леночка не должна была ее выгонять. Девочка еще такая молоденькая, может надеть глупостей без родительского присмотра. Но у Леночки свое мнение. Она считает ее достаточно взрослой, чтобы жить самостоятельно. Рита, доченька, не в службу, а в дружбу, последи за ребенком, очень тебя прошу.

— Конечно, папочка. О чем ты говоришь. До свидания.

— До свидания, деточка.

Я повесила трубку и налила себе еще чаю. Любочка, тем временем, с интересом разглядывала домишко напротив. Вернее не сам домик, а соседа, который колот дрова во дворе.

— Кто там живет?

— Семейная пара. Это Володя, муж. Он коренной матрешкинец, работает слесарем в местном автосервисе. Его жену зовут Наташа, она

продавщица на Северном рынке.

— Сколько ему лет?

— Чуть старше меня.

— Надо же, такой старый! А по виду не скажешь.

С этими словами Любочка поднялась из-за стола и ушла наверх в свою комнату.

Нет, она не хотела меня обидеть. Просто люди моего поколения казались ей седой стариной, и не только из-за разницы в годах. Мне кажется, дело в том, что мы росли в разных мирах. Я при социализме, а Любочка при диком капитализме. В результате мы говорим на разных языках, думаем по-разному, чувствуем по-разному, и идеалы и моральные ценности у нас тоже абсолютно разные. Такая разница при обычном течении событий бывает между дедами и внуками, а у нас получилась при временном разрыве всего в десять лет. Кто из молодежи сейчас знает, кем был дедушка Ленин, и что такое соцсоревнование или демократический централизм? Другая жизнь, другие проблемы.

Порассуждав таким образом, я решила не заикливаться на Любочкиных инсинуациях. В конце концов, как сказал папа, она еще совершенный ребенок, какой с нее спрос...

Нет, все равно обидно, когда юная нахалка считает тебя старой перечницей. Я-то свои

тридцать с небольшим старостью, и даже, пожалуй, зрелостью, не считаю. Скорее поздней молодостью. И привлекательности для мужчин (даже весьма молодых) я еще не потеряла. В конце концов, никто не заставляет моих ухажеров звонить мне и приглашать на свидания. Одному из них, например, всего двадцать шесть, он знает, что мне немного больше, но это его не останавливает...

Все, достаточно заниматься самообразованием. Бальзаковский возраст бывает у всех, такова жизнь. У Любочки он тоже будет, надеюсь, я это увижу, и вот тогда... Хорошо смеется тот, кто смеется последним.

Глава 2. Володя + Наташа

Воскресенье прошло спокойно. Любочка отсыпалась, я приводила в порядок свой садик. Выгребла старые сухие листья, обрезала малину. Вообще, если вести садоводство по правилам, то кусты малины надо подрезать осенью, но у меня рука не поднимается. Да, я знаю, эти прутики уже свое отжили, но пока их не занесло снегом и не заморозило, они еще живые. Если их надрезать, то по их зеленоватой шкурке потечет сок, они будут гнуться, колотья и сопротивляться моим вивисекторским намерениям. А весной они стоят сухие и мертвые, и я со спокойной душой вырезаю

их, сваливаю в кучу вместе с листьями, поджигаю и с удовольствием смотрю, как огонь быстро и ловко уничтожает всю эту мертвечину.

В понедельник я ушла на работу, оставив Любочку на хозяйстве. Сестричка решила, что после воскресных событий ей нужно немного отдохнуть, и взяла на работе отгул. Работает она секретарем в фирме, принадлежащей папиному приятелю, и параллельно учиться в финэке на экономиста. Самая модная сейчас специальность. После института, она, естественно, будет в той же фирме вторым бухгалтером, потом главным, потом финдиректором... Ничуть не сомневаюсь, что Любочкина карьера сложится именно так и закончится в шикарном начальственном кресле. Девочка она целеустремленная и четко знает, чего хочет. И в этом ее коренное отличие от меня.

Я предпочитаю плыть по течению. Хотя утопить себя, конечно, не позволю никому. К тому же, я ленива, а продвижение по служебной лестнице все-таки требует некоторой активности, явно непосильной для меня. Поэтому моя профессия банковского кассира меня вполне удовлетворяет. Хотя, конечно, поступая в Университет, я рассчитывала на совсем другую жизнь. Мне хотелось заниматься исследованиями, в тишине лабораторий в сладостных творческих муках создавать что-то новое, делать открытия,

хотя бы маленькие. Не получилось. Ну и бог с ним. Я ничуть не жалею, что моё имя не войдет в анналы мировой науки. Пожалуй, это слишком хлопотно. Кассир в банке гораздо лучше. Тепло, светло, хороший коллектив — что еще нужно? Правда, некоторые мои коллеги переживают, что мимо них проплывает столько денег, и все эти деньги принадлежат не им. Например, одна барышня — ее кабинка рядом с моей — любит порассуждать, чтобы она делала, будь у нее столько денег. Я слушаю и думаю: «Спаси и сохрани, господи, меня от такой жизни». Большие деньги — большая головная боль. Недаром мои соседи по Матрешкину возводят вокруг своих дворцов трехметровые заборы с камерами слежения по углам и охраной у ворот. Вряд ли они защищаются от меня или соседа Володи...

...Вот интересно, никогда не замечала у себя склонности к резонерству. Но стоило мне только взяться за перо, (вернее за компьютер), и вот результат — большая часть моего сочинения сплошные рассуждения на отвлеченные темы. А кто виноват? Любочка и никто другой. Это она внесла в мою спокойную размеренную жизнь путаницу и проблемы. И я чувствую, что еще долго буду пожинать плоды своего легкомыслия в то чудное майское утро.

Первые предупреждения о грядущих

неприятностях появились в понедельник вечером в лице того самого «старого» (по Любочкиному выражению) соседа Володи. Я мирно курила на крылечке, наслаждаясь теплым вечером и запахами молодых березовых листочков. Возле моего дома растут две юные березки, и после пары теплых дней почки на их тонких, как в японских гравюрах, веточках лопнули, контуры белых стволов растушевала нежная зелень, и пряный запах заполнил все вокруг, забывая даже вонь от моей сигареты. В общем, я чувствовала себя в преддверии рая, когда Володя подошел к забору и, облокотясь на штакетины, небрежно так поинтересовался:

— Кто это у тебя по двору сегодня шляется?

Если вы думаете, что именно в тот момент мое сердце екнуло и замерло на мгновение, и я почувствовала приближение ждущего меня хаоса, то я должна вас разочаровать. Ничуть не бывало. В совершенно благодушном настроении я объяснила Володе, до этого никогда не видевшему сестричку, кем мне приходится Любочка, и что она у меня делает. (Естественно, причины ее появления у меня я объяснять не стала.) Когда я рассказывала, что сестра останется у меня на некоторое время, в глазах соседа вспыхнули и тут же погасли — как головки современных спичек — огоньки неподдельного интереса. Но и на это я тогда не

обратила никакого внимания.

Жизнь мирно текла в нашем домишке до следующих выходных. В субботу утром я вышла в сад как обычно в семь утра, вооруженная до зубов. В руках у меня были секатор, ножовка, вилы, грабли и лопата. Засунув в плеер диск Рамштайн, я принялась выпиливать лишние (с моей точки зрения) сучки на вишнях. Под бодрую музыку веселых немцев дело продвигалось весьма споро. «Ich will» — и пила летела в одну сторону, «Ich will» — она, позванивая, возвращалась ко мне, разбрасывая в разные стороны мелкие лимонно-желтые опилки с нежным горьковатым запахом. Возможно, со стороны мои движения казались несколько угловатыми...

От этого увлекательного занятия меня оторвал странный, как будто нарочитый смех. У забора стояла и ржала, как опереточный злодей, Володина жена Наташа.

— Кто так пилит? — презрительно поинтересовалась она в ответ на мое приветствие — Ты что, первый раз пилу в руки взяла?

Я несколько удивилась. С Наташей мы не были подругами, на брудершафт не пили, с чего это она вдруг решила со мной фамильярничать? Я холодно повторила, с акцентом на множественное число:

— Здравствуйте, Наташа.

Вместо ответа она вошла в калитку, выхватила у меня ножовку и с какой-то злобой вцепилась в ближайший вишневый сук. Пила аж запищала у нее под руками. Несчастливая ветка, выбранная Наташей, мне ничем не мешала, но я решила промолчать. Поведение соседки было загадочно и непонятно...

С Володей я знакома уже много лет. Дело в том, что Матрешкино для своего местожительства я выбрала не случайно. Когда мы с Владом были детьми, наши родители много лет снимали здесь дачу. После истории с кражей они поняли, что мой интерес к книгам носит несколько нездоровый характер, и на лето отбирали у меня все книги и ссылали в Матрешкино вместе с братцем, подальше от благ цивилизации в виде библиотек и книжных магазинов. Поэтому летние каникулы я проводила как все нормальные дети — играя в «штандер», «двенадцать палочек» или футбол, купаясь в местном озере и собирая грибы в ближайшем лесочке. Володя был коренным матрешкинцем. К тому же моего возраста. Так что наша дружба насчитывала уже не один десяток лет, и в ней не было даже намека на сексуальный интерес. Ну, в самом деле, как можно влюбиться в партнера по футбольной команде? Извращение какое-то.

Наташа была второй Володиной женой. Разница в возрасте между ними была лет десять.

Володя, конечно, любил ее, но спокойно, без излишних страстей и эмоций. Наташа же, внешне очень похожая на южанку — черные волосы и брови, темные глаза — обладала бешеным темпераментом и постоянно ревновала мужа ко всем знакомым и незнакомым женщинам. Ее ревность была постоянной причиной насмешек моего брата, которому Володя по пьяной лавочке любил изливать душу.

В общем, из-за разницы в возрасте и темпераменте мы с Наташей подругами стать никак не могли, и обычно вежливо, но холодно, здоровались с друг с другом при встрече и расходились в разные стороны. Ее сегодняшнее выступление было для меня абсолютно неожиданным и даже немного пугающим. Может соседка свихнулась на почве ревности? Такое бывает сплошь и рядом. Очень не хочется стать ее первой жертвой.

Пока я так размышляла, Наташа отпилила один сучок и принялась за другой. Так мои вишенки могут превратиться в обрезанные по весне тополя. Пора это останавливать, но как? Я в панике заметалась по двору. Тут, к счастью, Наташин запал угас, она бросила ножовку на землю, прямо в небольшую непросохшую еще лужицу между вишнями, и со словами: «Вот так надо пилить» ушла, громко хлопнув калиткой.

С облегчением проводив ее взглядом, я уселась на крыльцо и достала сигарету. После такого стресса мне просто необходимо было перекурить. Тут на крыльце появилась Любочка.

— Что это было? — сонно поинтересовалась она.

— Концерт без заявок. Исполняет Наташа, — ответила я.

— Володькина жена? — уточнила сестрица.

— Чья? Володькина? Ты что, уже успела с ним познакомиться? — я несколько растерялась от Любочкиного фамильярного отношения к соседу.

— Угу. Позавчера в магазине, — и она вернулась в дом, оставив меня в изумленном недоумении.

Около двенадцати приехал Влад. Сунув нам сумки с продуктами, он скинул рубашку, схватился за лопату и с молодецкой удалью начал перекапывать мой садик. Братик твердо убежден, что копать землю — не женское дело, и то обстоятельство, что мне это нравится, ничуть его не убеждает. Поэтому каждую весну он приезжает, отбирает у меня весь копательный инструмент и делает мне грядки, теплицы и клумбы. Спорить бесполезно.

Я с тоской полюбовалась на накачанную спину брата, на бугры мышц, перекатывающиеся под кожей, и пошла в ненавистную кухню. Вдвоем

с Любочкой мы начали подготовку к вечернему банкету. Это наш с братцем традиционный весенний распорядок. Утром Влад раскапывает сад, а вечером приезжают его и мои друзья, и мы отмечаем завершение трудовой недели. Через полчаса Любочка намекнула мне, что сама прекрасно справится. Этого было достаточно, чтобы меня как ветром сдуло из кухни. Я схватила припасенную книжку, страниц этак на триста — как раз до вечера, и забилась в самый дальний угол сада, между двумя сарайками. О чем же я читала? Никак не могу вспомнить. Это просто невероятно. Для меня вся моя прошлая жизнь отмеряется не датами, которые я совершенно не могу запомнить, а прочитанными книгами.

Я стала первоклассницей, когда читала о приключениях летчика, отморожившего ноги (только не спрашивайте меня, как называется эта книга, и кто ее автор). Накануне первого сентября я как раз приступила к эпизоду с медведем, заснуть после этого смогла только под утро, и весь день у меня был как в тумане — я думала о несчастном летчике, оставленном мной на снегу в обществе страшного зверя. В пионеры меня принимали, когда мое воображение полностью захватила трагическая история Нины Арбениной. Я прочла последнюю строчку за пять минут до этого торжественного события, и теперь только по рассказам

одноклассников могу сказать, что случилось это на «Авроре». Последнее, что я помню из того дня, это как мы садимся в автобус.

Комсомолкой я стала, когда читала ужасную историю про юную девушку и ее старого любовника. До сих пор помню, с какой нежностью автор описывает свою героиню и девочек ее возраста, называя их «нимфетками». Кто автор, я, естественно, не запомнила. Как не помню и того, где и кто принимал меня в комсомол. Говорят, это было в райкоме на площади Ленина. Возможно. Но я точно помню, что маленькие фотографии, на которых была напечатана книга, не давали мне покоя, я заперлась в вонючем узком, как гроб, туалете, и сидя на унитаже, сквозь лупу читала мелкие черные строчки.

С Толей я познакомилась, когда была по уши погружена в грузинские народные сказки. Истории про дэвов и гвелешапи были для меня важнее наших свиданий, и об этой нечисти я помню гораздо больше, чем об обстоятельствах, когда я сказала Толе «да», и мы стали женихом и невестой. Свадьбу отыграли под аккомпанемент истории семейства Форсайтов. Хотя тогда я читала эту книгу второй раз, правда, уже на английском. Первый раз я ее прочла, когда мы с родителями и братом отдыхали в Евпатории. Поэтому мелкие подробности бракосочетания и отдыха немного

путаются у меня в голове. Например, мне кажется, что мой братец был у меня на свадьбе в рубашке с якорями и чайками и с прической «взрыв на макаронной фабрике», а он утверждает, что надел свой лучший костюм-тройку и сделал укладку в салоне. Развод прошел под знаком мисс Марпл. Переезд в коммуналку сопровождался богами Марса, а в Матрешкино я приехала с Эрастом Петровичем в сумочке.

То обстоятельство, что я не помню, о чем читала в тот день, только подтверждает, насколько травмировали меня последующие события. Я, вообще, почти не помню, о чем читала в это лето. И это ужасно угнетает меня.

Вечером все собрались на шашлыки. На маленькой поляне перед домом установили мангал, вокруг него расставили обрезки бревен, неподдающиеся колке, включили музыку и расселись вокруг огня. Было нас человек пятнадцать. Городские и местные приятели брата, некоторые с женами, мои подруги с мужьями — зная о наших субботних посиделках, все приезжали по-простому, без приглашений. Володя, естественно, тоже пришел, и, как обычно, без Наташи. Она почему-то не любила наших сборищ и никогда не удостоивала нас своим посещением.

Все было крайне демократично. Желаящие напиться осуществили свою мечту и через пару

часов уже мирно отдыхали в укромных уголках сада и дома. Желаящие танцевать бурно веселились вокруг мангала под Эльдорадио. Любители преферанса заняли укромный уголок между сараями и погрузились в игру. Часть гостей собралась на заднем крыльце вокруг Любочки и с упоением надрывала глотки под аккомпанемент ее гитары. Я дефилировала между гостями, в основном проверяя пожаробезопасность — дом все-таки был моим единственным кровом, и расставаться мне с ним не хотелось.

Стемнело. В мае ночи еще не совсем белые, и около двенадцати солнце скрывается за горизонтом на пару-тройку часов. Я спокойно отдыхала на парадном крыльце. Вдруг оглушающе хлопнула калитка, и из тьмы вылетела женщина в длинном белом одеянии и с белым перекошенным лицом. Как привидение она пронеслась мимо меня в дом. Я чуть не крикнула ей вслед: «Леди Лора, стойте!». К счастью, вовремя одумалась — не стоит путать книги и реальность.

Но все-таки хотелось бы знать кто она, и что ей нужно. Я подскочила и побежала за белым силуэтом. В доме было темно, но ее путь можно было проследить по хлопающим дверям. Она побывала в кухне, в гостиной, в спальне, поднялась в мезонин. Я столкнулась с ней на лестнице. Незнакомка скользнула мимо меня, даже не

удостоив взглядом. Оставалась еще одна дверь — на веранду. Она поспешила к ней и с торжествующим воем застыла на пороге. Я заглянула в комнату поверх ее головы. На диване сидел Володя в обнимку со...мной. Единственным источником света на веранде был уличный фонарь, стоявший напротив моего дома. Его белесые лучи падали сквозь решетчатые окна, растеряв по пути половину своей яркости, и персонажей немой сцены можно было определить только по одежке. И эта одежда неопровержимо доказывала — слева Володя, справа я. А женщина в белом вовсе не незнакомка, а Наташа. Она вся светилась торжеством. Наконец-то она поймала своего благоверного с поличным!

В следующую секунду «я» на диване щелкнуло выключателем торшера, и Наташа взвыла снова. На сей раз разочарованно. Потому что рядом с Володей на диване сидел мой братец Владислав Алексеевич собственной персоной, каким-то чудом втиснувшийся в розовую болоньевую куртку, в которой я люблю копаться в саду. Наташа развернулась на сто восемьдесят градусов и рванула к выходу. Двери опять протестующе загрохотали. Володя помедлил немного — в нетрезвом состоянии он бывал несколько заторможен — и, покачиваясь, бросился за супругой. Влад развалился на диване, корчась от

хохота.

Мой братик больше всего на свете любит шутки и розыгрыши. Особенно над людьми с отсутствующим чувством юмора. Частенько жертвы даже не догадываются, что над ними подшутили. Я много раз проводила с ним воспитательные беседы на эту тему. Объясняла ему, что это гадко и даже подло. Влад соглашался, удрученно каялся, обещал, что больше не будет, но... Как только он встречается с какой-нибудь идиотской манией, вроде Наташиной патологической ревности, какой-то бес внутри него вновь толкает брата на очередную гадость.

В воскресенье вечером, закутавшись в одеяло, я долго размышляла над странным Наташиным поведением. Вроде бы я не давала ей никакого повода для ревности. Мои отношения с Володей были такими же, как неделю, месяц, год назад, то есть просто соседскими. В чем причина? Какая муха укусила соседку? Я ворочалась с боку набок, не понимая и недоумевая. И мне даже в голову не пришло связать Наташины чудачества с Любочкой.

Глава 3. Таня + Олег

Дальнейшие события разворачивались с ошеломляющей скоростью. Сейчас я даже не могу определить их последовательность. На книги —

мой обычный календарь — времени уже не хватало, и что за чем произошло, я вспомнить не могу. Кажется, следующей жертвой Любочки стала Таня. Или это Любочка стала Таниной жертвой? Вопрос спорный.

На нашей улице есть несколько каменных двухэтажных домов. В них живут семьи офицеров расположенного недалеко военного аэродрома и работников местного клуба. С некоторыми из них мы с Владом поддерживаем дружеские отношения. Точнее, с некоторыми дружу я, а с некоторыми мой брат. Именно к последним и относилась семья Олега и Тани Иванченко. Олегу около сорока, он ровесник Влада, а Таня моложе меня лет на пять. Эта супружеская пара сложилась, когда Олег служил в отдаленном сибирском гарнизоне. Его часть базировалась недалеко от одной маленькой деревушки, в которой Таня родилась и выросла. Чистая и нежная (по сравнению с питерскими оборотками) девочка женила на себе молодого лейтенанта, родила ему сына, и, когда Олега перевели в Питер как декабристка последовала за ним. Когда мы познакомились, они были женаты уже лет семь. Не знаю, любила ли Таня Олега, когда выходила за него замуж, но к моменту нашей встречи любовь уже точно куда-то ушла. Осталась только четкое понимание, что муж — это билет в спокойную и сытую жизнь, и она держалась за него,

злобно ощериваясь, даже при самых отдаленных намеках на угрозу ее семейному счастью. Поэтому гостей Танюшка не приглашала (а вдруг какая-нибудь мерзавка сядет на ее супружескую постель — что было вполне возможно, учитывая габариты квартиры — и тогда, согласно всем известной примете, которую я лично впервые услышала только от Тани, бросит ее Олег и уйдет к разлучнице). В магазин она ходила сама — тоже следуя какой-то примете, по котрой муж наверняка загуляет, если принесет домой мешок с продуктами. Зато в кино и в клуб Иванченко ходили только вдвоем, и жена цепко держала мужа под руку, отпуская только в туалет и не более чем на пять минут.

Но такое собственническое отношение к Олегу совершенно не мешало самой Танюшке кокетничать (естественно в отсутствие мужа) со всем представителями мужского полу, независимо от возраста и внешней привлекательности. Расстреляв всю обойму кокетливых взглядов в проходящего мужчину, за его спиной Таня кривила личико и сообщала: «Фу, какой урод». Мой, прямолинейный как рельсы, мозг напрочь отказывался понимать и принимать такие выкрутасы.

Вообще, Танины представления о жизни вызывали у меня тихую оторопь. Больше всего на

свете она боялась показаться дешевкой. Но отличить подделку от оригинала она не могла, поэтому ориентировалась исключительно на цифры ценника. Одежду себе, мужу и сыну Танюшка покупала только в дорогих бутиках (там точно не надуют). И не на распродажах, а в самый сезон, когда цены взлетали до невероятных высот. А потом с гордостью об этом всем сообщала. А так как зарплата у Олега была самая обычная офицерская, то на нормальное питание денег уже не хватало. И Таня ела картошку, гречку или рис без масла и сахара, запивала эти деликатесы спитым чаем и утверждала, что борется с лишним весом.

Людей она делила на два типа. К первому типу она относилась с бесконечным восхищением и даже подобоострастием. В эту группу попадали те, кто демонстрировал наличие полного набора, полагающегося обеспеченному человеку — машина, дорогие вещи (всенепременно норковая шуба), дом с трехметровых забором и гавкающая шавка в сумочке. Встречаясь с такими людьми на улице, Таня вежливо приветствовала их, расспрашивала о здоровье, внимательно, чуть склонив голову, высушивала их ответы и дальше шла, сияя от невыразимого счастья причастности к «настоящей» жизни. С людьми из второй группы, не обладавшими перечисленными достоинствами, она здоровалась сквозь зубы, улыбаясь с

презрительным превосходством, (или не здоровалась вообще), не стеснялась в глаза (и тем более за глаза) говорить гадости, и — будто выдавая черную метку Билли Бонса — выбрасывала мусор в их сады.

Дело в том, что в нашем Матрешкине имеется только одна помойка. Несколько зеленых контейнеров стоят в ряд около столовой, и все матрешкинцы — и богатые и бедные — носят (или возят) туда мешки с мусором. Все, но только не Таня Иванченко. Ей всегда было лень идти через половину деревни с грязным пакетом. Да и не царское это дело — мусор таскать. И она перебрасывала свои отходы через невысокие заборы небогатых соседей. Причем делала это по вечерам, украдкой, чтобы никто не увидел и не донес Олегу (потому как он был из интеллигентной семьи и за такие «чудеса» надавал бы по шее). Мужа своего она боялась и всячески старалась ему угодить.

Чаще других жертвой мусорного терроризма становилась милая интеллигентная Елена Юрьевна, учительница рисования в местном клубе. Она обладала редким даром раскрывать и развивать детские таланты, и все матрешкинские ребята (и Танин Антон в том числе) обожали ее. Но одевалась она на рынке, продукты покупала там же, ездила на рейсовом автобусе, и в довершение всего

дом ее был ближайшим к Таниной двухэтажке, поэтому цветочные клумбы во дворе Елены Юрьевны частенько украшались вонючими пакетами Танюшиной упаковки.

Поначалу Влад и я тоже были для Тани людьми из второй группы. Со всеми вытекающими отсюда последствиями — мусором, кривыми улыбками и хамством. Потом братец подружился с Олегом, и Таня перевела нас в первую категорию. Этому поспособствовал не только Танин страх перед мужем, но и моя маленькая шутка. Видимо, страсть к розыгрышам у нас с Владом в крови, и при знакомстве с Танюшей, я, сделав томное лицо, сообщила ей, что свитерок на мне (на самом деле связанной мною лично из остатков шерсти) куплен «всего-то» за пятьсот баксов, а брючки (сшитые мною же из габардина за 150 рублей за метр) от Hugo Boss. Она с плохо скрытой завистью осмотрела меня и, не заметив подвоха, классифицировала как представителя привилегированного класса. После чего я стала Маргаритой Алексеевной, братец Владиславом Алексеевичем, а мой крохотный садик предметом ее постоянного восхищения и неумеренных восторгов. И мешки с мусором, до этого регулярно появлявшиеся в моих владениях, больше уже не нарушали гармонии пейзажа.

И вдруг (опять вдруг!) в одно совсем не

прекрасное утро я обнаружила посерди своего сада огромный черный вонючий пакет. Неужели Таня вновь пересмотрела мою категорию?! Или это кто-то другой последовал дурному примеру? Последнее время я была несколько раздражена, и поэтому с несвойственной мне мстительностью вдруг возжаждала найти виновника и покарать его. Пришлось надеть резиновые перчатки и вытряхнуть содержимое мешка на землю. Зажав нос прищепкой, я тщательно изучала мусор, пока не нашла доказательств его принадлежности Таниному семейству. На обрывке тетрадной обложки было выведено крупным детским почерком «ученика второго «б» класса Иванченко Антона». Замечательно! Таня вышла на тропу войны. — так пусть не ждет пощады. *A la guerre comme a la guerre.*

Я смела мусор обратно в мешок и направилась к Таниному дому. Устраивать скандал или сообщать Олегу о проделках его женушки я не собиралась. И то, и другое по нашему с Владом кодексу чести — поступки не *comme il faut* для воспитанного человека. Я просто позвонила в Танину квартиру, и когда она открыла дверь, протянула ей мешок со словами: «Ты забыла это в моем саду». После чего спокойно пошла к выходу.

Следующие тридцать секунд были неожиданно восхитительны. Да, правду говорят,

что нужно оказаться в нужном месте в нужный час. Должна с гордостью признать — в тот день мне это удалось! Таня не сразу, но все же опознала свой пакет. После чего с виртуозной обценной лексикой, которой позавидовал бы любой пьяный сапожник, запустила его в меня. Поскольку я ожидала чего-либо подобного, то успела среагировать и присела. Вонючий мешок пролетел надо мной и...

...Олег пару дней назад уехал в командировку и должен был вернуться только на следующей неделе. Но что-то там изменилось в планах командования, и он приехал домой именно в этот вечер. И именно в тот момент, когда мусор просвистел у меня над головой, он открыл дверь в свой подъезд. Бедный пакет был уже не первой молодости, и ударившись о лицо Олега, разорвался и со смачным шуршанием, распространяя по подъезду непередаваемый аромат, вывалил свое содержимое на новенькое сукно Олеговой шинели. Несколько секунд я наслаждалась изумительной картиной, а потом быстренько сбежала с места событий. Семейные сцены не моя стихия. Пусть сами разбираются.

Пару дней я праздновала победу. Грязные мешки исчезли не только из моего сада, но и из садов соседей. А потом Олег снова уехал в командировку, и грянула буря. В субботу утром я